

Людмила Петрушевская

Людмила
Петрушевская

БРАЧНАЯ НОЧЬ, ИЛИ 37 МАЯ

КОМЕДИИ И ДРАМЫ

Москва
2020

УДК 821.161.1-2
ББК 84(2Рос=Рус)6-6
ПЗ1

Художественное оформление серии *Юлии Девятовой*

Иллюстрация на переплете *Александры Шадриной*

Издание осуществлено при содействии
литературного агентства Vanke, Goumen & Smirnova

Петрушевская, Людмила Стефановна.

ПЗ1 Брачная ночь, или 37 мая : комедии и драмы / Людмила Петрушевская. — Москва : Эксмо, 2020. — 448 с.

ISBN 978-5-04-110746-8

Книга пьес Людмилы Петрушевской — явление редкое и значительное. Вот уже почти пятьдесят лет ее пьесы существуют в театральном мире, сначала власти СССР их запрещали, но пьесу ведь можно поставить и в комнате. Что и делали режиссеры. Потом-то пьесы ее пошли по всей стране и по многим странам мира (кроме Африки, о которой сведений нет). И драматурга Л. Петрушевскую наградили Государственной премией, театральной премией Станиславского и премией «Золотая маска», и сейчас только в Москве идет шесть ее спектаклей. Считается, что пьесы читать трудно. Нет, как в романе, этих слов: «Был поздний вечер июльского дня». Но ведь и в театре зритель первые пять-семь минут не знает, где все происходит и кто здесь кто. Однако вскоре читатель — удивительным образом — постепенно и создает для себя декорации, и видит героев, и становится зрителем созданного им самим спектакля.

Откройте книгу. Театр Людмилы Петрушевской теперь Ваш.

УДК 821.161.1-2

ББК 84(2Рос=Рус)6-6

© Петрушевская Л., текст, 2020
© Шадрина А., иллюстрация на переплете, 2020
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-110746-8

ЧИНЗАНО

ПЬЕСА В ДВУХ ЧАСТЯХ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ЧИНЗАНО

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Паша
Валя
Костя

Вечер. Пустая комната. Два стула, подобранных на свалке, садовая скамейка, ящик из-под конфет — большой и чистый. Входят Паша, Валя и Костя.

5

Паша. Как нашли, сносно?

Костя. Мы тебе, Паша, мебель привезли. В трамвае сняли сиденье.

Паша. Сенк'ю.

Валя. Костя вынес. *(Смеется.)*

Паша. Сюда, прошу садиться.

Валя. В общем, мы-то с Костей уже повстречались на выходе с работы, сюда не знаю зачем понадобилось ехать. Все можно было там устроить.

Костя. Ехал в такую даль. Сядь, посиди.

Паша. Старик! Сначала о деле. *(Косте.)* Деньги с тобой?

Костя. Со мной.

Валя. Ну, старики, мне надо. Быстро закончим, я поехал.

Паша. Погоди, не до тебя.

Валя. Деньги мне отдай. Как не до меня?

Паша. Да отдам, но не сейчас же.

Валя. Костя, передавай мне деньги, как условились. Надо было отдать раньше, я предвидел, что все так получится.

Костя. Не расстраивайся.

П а ш а. Старики, внизу дают чинзано. Лучшее из всего, литр. Хочу взять домой три бутылки, надо позарез. В таком случае, Валя, я так или иначе десять рублей потом тебе добавлю. Мне домой вино надо.

В а л я. Другой разговор. А куда домой-то?

П а ш а. Туда домой, в первый городок.

В а л я. Ты что, здесь не живешь?

П а ш а. Временно.

В а л я. Временно живешь или временно нет?

К о с т я. Сегодня здесь, и всё.

В а л я. А вообще где?

П а ш а. Сейчас еще нигде пока уже опять.

К о с т я. Старики, время. Ехали сюда с Валея (*достаёт деньги, отсчитывает две десятки*) долго.

П а ш а. Тут хватит на шесть. Я тогда с вашего разрешения пять возьму домой. Пять мне тогда на все хватит... Чинзано все окупит! Валя, буду должен, стало быть, двадцать рублей.

В а л я. Паша, чего ради я тогда ехал в такую даль, спрашивается?

П а ш а. Я тебя сегодня не звал.

В а л я. Извини, старик, нехорошо.

П а ш а. Извини, старик. Но тебе мало, что я отдаю тебе тридцать? Ведь такое дело: чинзано.

В а л я. Хорошо, но одна на мою долю.

К о с т я. Договорились, чудесно.

В а л я. Скорей, мне пора. Где у тебя тут сортир?

П а ш а. Попудриться? Направо вторая дверь.

Валя уходит. Костя достаёт деньги.

П а ш а. Чего уж, давай все.

Паша, не считая, сует деньги в карман и уходит. Возвращается Валя.

В а л я. Давай деньги-то. Тридцать.

К о с т я. А я отдал всё Паше.

В а л я. Ну ты даешь. Ну, старик. Ты же должен был их передать мне.

К о с т я. Я тебе должен был их передать до праздников. А ты — старик, туда-сюда, после праздников, уезжаю, туда-сюда. Вот тебе и после праздников.

В а л я. Я тебя не понимаю, старик. Не понимаю. Кому отдал? Кому? Паше? Зачем?

К о с т я. Он мне их давал, я ему и отдал.

В а л я. Деньги-то мои!

К о с т я. Ну и будут твои. Сколько-то погода. Я тебе ска- зал еще на выходе с работы, так и так, Валя, на меня сего- дня не рассчитывай, я еду Паше отдавать деньги. Ты что сказал? Что я, в пятницу буду как отщепенец, сказал ты. И поехал.

В а л я. Нет, старик, я тобой недоволен. Недоволен. С то- бой происходит, я тебе не говорю, потому что ты и сам мне это неоднократно говорил, что ты падаешь все ниже и ниже.

Костя обнимает Валою.

Ну, не ожидал, нет.

Костя целует Валою.

Отвали!

К о с т я. Сейчас выпьем. Он принесет. Он принесет пять бутылок.

В а л я. Одну я возьму домой. Нет, две. В конце-то кон- цов.

К о с т я. Кто говорит? Возьми две.

В а л я. Мои деньги.

К о с т я. Вот тут ты глубоко не прав. Пока они не твои, а просто тебе их хотели до праздников вернуть, а ты не взял.

В а л я. Нет, ты не прав. Я специально сюда приехал, что- бы Паша отдал мне долг. Деньги-то ты вез? За чем же дело стало?

К о с т я. Все точно. Но это не значит, что именно те деньги, которые я ему вез, он должен тебе отдать. Когда сможет, тогда отдаст. А как он отдаст то, чего у него уже

(*смотрит на Валины часы*) в данную минуту нет? Чего нет, того не вернешь. Вот я не отдал ему пятьдесят рублей, потому что их у меня не было. Отдал сорок.

Вал я. Как не было?

Кост я. Праздники же были.

Вал я. Не понимаю отношения к чужим деньгам.

Кост я. Паша перед праздником буквально всучил мне эти пятьдесят рублей: отдай Вале. Я не хотел брать, отказывал, но Паша, памятуя свою слабость и не надеясь собрать больше такую сумму, просто приехал ко мне на квартиру, и, несмотря на то что Полина его не пустила, хлопнула дверью, он звонил десятки раз. Полина с Иваном высунулись, и Паша отдал им конверт — сказал, для Кости, здесь пятьдесят рублей. Иван рассвирипел, как всегда, и крикнул, что у них такие не проживают. Но, как умный старик, он от пятидесяти рублей не отказался и при нем пересчитал даже. Раз, подумал, Паша с чего-то принес пятьдесят рублей, значит, было какое-то подсудное дело, иначе Паша бы, без суда то есть, не стал бы приносить. Я прихожу затемно, Полина спит, все спят, на столе лежит конверт с запиской, привет от Кольцова. Утром я не стал к завтраку вставать, думаю, пусть разойдутся. Они за столом мое имя не поминали, только Иван выступал все время, что Владика надо купить шубу за полсотни, как раз полсотни, денег нет, вернее, деньги есть, но у такого человека, который не постесняется у родного ребенка на зиму шубу украсть. И на питание не дает. Владик спрашивать не стал, у кого его шуба, а Света спросила. Светка все время Ивана подначивает. Таким детским голоском: дедушка, а кто у нашего Владика шубу украл? За столом воцарилось напряженное молчание, а я сплю за загородкой, подушка на ухе. Владик сказал Светке, что папа украл, а Светка не ожидала, ей надо было всегдашний спектакль разыграть. Но не тут-то было, Владик, молодец, прикрыл диспут. А то обычно Иван им задает загадку: нет, говорит, Светочка, тебе сегодня сливок и сухой колбасы для Владика, один человек твою черную икру вкупе с красной и белой на вино израсходовал. Света счастлива: кто это? Кто этот человек? А тот, отвечает дед Ванька, который вчера

пришел пьяный к нам в дом. А кто к нам в дом вчера пьяный пришел, спрашивает далее Светка. Тут все молчат. Владик молчит, и торжествующая теща молчит. Полина мрачнее тучи молчит, да и дед Ванька не отвечает. Представляешь?

Валя. Ты говоришь! А вот у меня еще того лучше...

Входит Паша с двумя портфелями.

Паша. Самое смешное, что никого народу. Они всё больше тут употребляют красненькое да мордастенкое. Говорю: «Мне чинзано». А один около меня стоял, спрашивает: «А че это?»

Костя. Сколько взял?

Паша. Сколько договорились, мужики.

Костя. А для Вали не забыл?

Паша. Две.

Костя. А неужели мне одну взял, не догадался?

Паша. Больше.

Костя. Слава богу.

Паша. Ведь закрывался магазин, в том-то и дело.

Валя. Ну а теперь...

Паша. Айн минуточку. *(Выходит в кухню.)*

Костя. Он молодец. Потому что среди ночи опомнишься, сунешься, а нигде ничего. Помнишь, как у Кондакова пришлось с двух часов ночи чай пить?

Валя. Ну!

Костя. Чай такая вредная вещь. На почки действует, на сердце. Я утром домой пришел, пошел бриться перед работой, посмотрел на себя в зеркало. Ай! Лицо в зеркале не умещается.

Валя. Ну!

Приходит Паша с тарелочкой.

Костя. Закусь?

Паша достает из портфеля кулек и высыпает на тарелочку конфеты.

Валя. Дорогие купил слишком.

Паша. Для тебя мне ничего не жаль.

Валя. Да?

Костя. Из горла будем?

Паша. Старики, анекдот: два вурдалака оторвали человеку голову, и один другого спрашивает: «Из горла будешь?» *(Приподнимает ящик, вынимает полбуханки хлеба.)*

Костя. Еда.

Валя. Отрежьте кусочек. Я с работы.

Костя достает перочинный нож, аккуратно отрезает кусок.

Паша *(открывает бутылку)*. Костя, достань там еще два сверточка: сыру, колбаски нарежь.

Валя. С ума сошел.

Паша. Для тебя, Валя, купил.

Костя. Старик, тут в одном свертке какие-то тряпки.

Паша. Не то, все не то, дай-ка. *(Забирает.)* Вот, вот свертки.

Костя. А я смотрю: в одном тряпки, в другом туфли.

Валя. Продавать, что ли, нес?

Паша. Ешь, дорогой.

Валя. Пока человек ест, он не пьет.

Паша. И ешь. Ну, мужичье! С приездом! И за мою маму!

Пьют.

Валя. Да, Костя, ты не досказал насчет десятки.

Костя *(с непонятной интонацией)*. А!..

Паша. Какой десятки?

Костя *(с нажимом)*. Какой десятки?

Валя. Он из этих пяти одну истратил, оказывается.

Паша. А?.. Ну!.. *(Радостно смеется.)* А я ничего не могу понять. Считал-считал у кассы!

Костя. Какая десятка?..

Валя. Ты мне сказал, что десятку растратил.

Костя. Какую десятку?

Паша. Старики, выпьем!

Пьют.

Валя, ты ешь. Ты чего себе зубы не вставишь, быстрее есть будешь?

Валя. Да все некогда. То одно, то другое. У жены в квартире мебель строю.

Паша. У какой жены?

Валя. У Ольги, у какой.

Паша. Откуда?

Валя. Им дали квартиру. С матерью. А мать вышла замуж к мужу. Ольга говорит, хоть раз в жизни по-человечески пожить, не с твоими родичами, и уехала с Алешкой. Алешка уже в детский новый сад ходит. Я теперь там каждый вечер.

Костя. Как каждый? А вчера?

Паша. А в понедельник?

Валя. У Ольги там нет телефона.

Костя. Понял. Родители считают, что ты у жены.

Паша. А Ольга звонить родителям не будет?

Валя. Ольга не будет. Она вообще говорит, что ей все надоело, вся эта семейная жизнь. Но мебель я строю!

Паша. Говорит, пошел, значит, отсюда.

Валя. Старик, не совсем. Не совсем. Она хочет, чтобы я с ними жил, я не отказываю. Но мои родители как же? Они останутся одни на пятидесяти метрах на старость? Интересно, что же это, они на меня всю жизнь работали, а я теперь их брошу? Кто машину отцу водить будет?

Паша. Покупает?

Валя. Почти купил.

Паша. Поездим. Поездим.

Валя. Отца же, не моя.

Костя. Но, с другой стороны, тебе и разводиться нельзя.

Паша. Почему?

Костя. Валя оформляется за границу.

Паша. Куда?

Валя. На кудыкину гору.

Паша. В капстраны, значит.

Валя. В ЧССР я был, в Болгарии, Золотые Пески.

Паша. А я в Монголию оформлялся.

Валя. Ну и как?

Паша. У них штаты не расширили. Хотели расширить и не расширили. Не стали.

Валя. Не оформили, значит. На тугрики много не купишь. У нас один малый оттуда привез жене немецкое меховое пальто. Белый мех, но без ватина. Она в ателье носила на ватин ставить. Выше пятнадцати градусов мороза нельзя. Каждый день слушает погоду и ругается, лучше бы кожи привез.

Паша. Кстати, о женах: позвони, Константин, пойди.

Валя. Кому?

Костя. Дружининой. Но ее нет сейчас дома.

Валя. Дружининой?

Паша. Блондинка.

Костя. Она к подруге поехала на день рождения.

Валя. К кому?

Костя. К нашей Смирновой из отдела.

Валя. Надо туда поехать, мужики!

Костя. Туда Паше нет допуска.

Валя. Без Паши поедем.

Костя. У меня тоже допуска нет.

Валя. Ну что вы! Ну так нельзя! У Смирновой так отлично. Баранью ногу подают.

Костя. И джин, да. Но мы там прошлый раз с Пашей заночевали, так пришлось.

Пьют.

Сидели так на кухне, а потом из холодильника папашину настойку от давления выпили. Чекушечку. Внешне такая же, как старка. Не отличишь. Утром ехали в метро, у нас давление сильно упало. Или ихний скандал подействовал: самовнушение началось.

Паша. Скорей всего. У меня точно от скандалов падает давление.

Костя. Поспали на кольцевом маршруте, сколько пришлось. Заехали в депо, так неудачно. Сигналы долго подавали.

Валя. Чем?

Паша. Постукивали.

К о с т я. Папаша Смирновой на нас кричал, что мы самоубийцы, что такое выпили, что он три раза в день принимает по две капли. Прислали за золото с Дальнего Востока. Резко снижает тонус.

П а ш а. Шарлатанство все это. Моему папаше тоже привозили.

К о с т я. Значит, это мы так расстроились просто. На работу не ходили, лечились долго потом.

В а л я. Тогда я схожу позвоню. *(Ест.)*

П а ш а. Ешь, на твои деньги куплено.

В а л я. Ты мне ничего пока не отдавал. *(Ест.)*

К о с т я. Кому ты хочешь звонить?

В а л я. Кому дозвонюсь. Сейчас вот поем... *(Ест.)* В Монголии, кстати, шерсть отличная. Поехал бы ты, Пашка, то привез бы своей Тамаре шерстяную кофту. Но что делать, раз не оформили. А то Тамара была бы довольна.

П а ш а. Тамара? Да, с ней, старики, сурово. Я до двенадцати должен успевать домой, а то Тамара после двенадцати лишает меня супружеских ласк. Стало быть, я должен попасть на автобус двадцать три ноль две. Ну и до автобуса отсюда... полчаса как минимум.

К о с т я. Тридцать пять.

П а ш а. Если автобус двадцать три ноль две... То мне на жизнь остается здесь *(смотрит на Валины часы)* почти ничего. Валя, иди, звони.

В а л я. Но что интересно, ведь ты уже с ней разошелся.

П а ш а. Правильно. Для того чтобы прописаться к старушке матери в ее квартиру.

В а л я. Понимаю, может пропасть квартира? Мать-то старая.

П а ш а. Откуда?

В а л я. Они все уже старые более-менее. К тому идет.

К о с т я. Она у него сейчас в больнице лежит, да?

П а ш а. Скоро забираю. Завтра.

В а л я. Завтра суббота, выписки нет.

П а ш а. А я заберу.

К о с т я. У нее малокровие?

П а ш а. Выпьем за упокой.

В а л я. Дурак. Бросаешься словами. *(Пьет.)*

П а ш а. Чем хорошо выпить: все уходит на задний план.

В а л я. Зачем уходить от реальности, если реальность такова, что мы просто любим пить, любим это дело, а не из каких-то высших соображений что-то забыть? Зачем все время прикрываться какими-то пышными фразами? Пьем, потому что это прекрасно само по себе — пить! Свой праздник мы оправдывать еще должны. Да кому какое дело, перед кем оправдываться?

К о с т я целует В а л ю.

Ну... А как твоя Тамара реагировала на развод? Что ты подал?

П а ш а. Она сама подала. Еще раньше, чем я ей сказал.

В а л я. Значит, она сама... Это много лучше.

П а ш а. Объодно. Стороны пришли к объодному решению.

В а л я. Так ты здесь живешь?

П а ш а. Когда где.

В а л я. Стало быть, тебе не нужно никуда ехать, чего же ты тут рассчитывал время! И мне не нужно ехать. Костя, ты тоже, чего тебе, успеешь еще за свою загородку «осторожно, двери закрываются». Пьем, мужики! Доставай еще одну бутылку! Сколько, стало быть... тебе... две, мне... три, нет, четыре, а остальное выпьем!

П а ш а. Иди, позвони-ка, времени уже в обрез.

В а л я. Какое в обрез!.. Ты же... Как это... Нигде не живешь. Никому не нужен ты.

П а ш а. Если я опоздаю, меня лишат супружеских ласк.

В а л я. Каких супружеских?

П а ш а. Ласк. Она просто дверь запирает в квартиру.

В а л я. Да какие у тебя супружеские! Это у меня супружеские да у Кости за загородкой... Кстати, Костя, ты у родителей по-прежнему ночуешь?

К о с т я. Поругался.

В а л я. Нехорошо, старик! Глядишь, и переночевать негде будет!

К о с т я. Поругался. Полина все говорит: «На кой нам их куры!» Придут навестить внуков, несут куру. На восемь че-

ловек. И действительно, придут. Обед давно без этой кури готов, давно бы сели, нет, они ее варить желают. Все холодное. А они, дураки, не понимают, что их благотворительность у Полины и у Ваньки одно раздражение вызывает. Полька меня просит: скажи им, не надо. Я сказал, мать расстроилась, отец капли принимал. Мы твоим детям, раз у них всё пропивают. И вот тебе, всё свернули на меня. Мать говорит, если вы с Полиной такая дружная семейка, и не ходи сюда ночевать, не стоит. А подумаешь! Да застрелитесь!

П а ш а. После двенадцати ни одна машина в нашу сторону не ходит. Ни одна. Можно взять девочку, положить на шоссе и без помехи делать все что хочешь сколько хочешь раз. Так что надо спешить, надо торопиться. (Пьет.)

В а л я. А ты от Тамары еще не выписался?

П а ш а. Выписался, осталось к матери прописаться, какие-то пустые формальности. Я тянул, но теперь всё.

В а л я. Правильно, пропишись, не ровен час останешься без квартиры.

П а ш а. Надо спешить! Торопиться! Я не успеваю на автобус!

К о с т я. На автобус ты еще двадцать раз успеешь. Уедешь. Подожди еще пять минут, Валя сходит позвонит.

Валя делает себе бутерброд и выходит.

К о с т я. Ну как у мамы?

П а ш а. Ей операцию по пересадке костного мозга надо делать. Срочно. Завтра же. Надо будет дать костный мозг, я дам. Я дам костный мозг завтра же, уже проверяли. Совпадает. У жены с мужем — нет. С ребенком еще может совпасть, а с женой — никогда. Не кровная, а тут кровная. Вот и все о'кей! Все будет о'кей. Выпьем.

К о с т я. Ты сегодня к ней ездил, как?

П а ш а. Ездил. Не спрашивай. Такие дела, что не спрашивай. Совсем белая.

Пьют.